

Проблемы русской идентичности в восприятии иностранца

Вероятно, само название статьи может вызвать недоумение и обиду у русского читателя: о какой «проблеме» идет речь и почему Россия должна быть «проблемой»? Но, как говорят в англосаксонской культуре, *do not kill the messenger!* Само определение «Россия как проблема» не столько выдумка автора статьи, сколько предмет дискуссий, которые испокон веков ведутся в России. Начиная со времен Петра Великого и далее Россия пыталась определить, найти, детерминировать саму себя, причем почти всегда эти процессы были связаны с самоопределением «по отношению к чему либо, чаще всего к Западу. В работах русского философа В.С. Соловьёва (1853-1900) указанная проблема выкристаллизовалась в понятие «русская идея», разрешив, казалось бы, окончательно вопрос русской самоидентификации. Понятие «русская идея», возможно, приятнее русскому уху и звучит более оптимистично, указывая на то, что из «проблемы» наконец выросла идея. Однако понятие «русская идея» в основе своей также проблематично, поскольку в России рождалось множество идей и каждый, кто оперировал этим понятием, имел в виду совершенно различные, часто противоречивые вещи. Так, В.С. Соловьёв или Н.А. Бердяев (1874-1948) понимали под «русской идеей» одно, а В.В. Розанов (1856-1919) или Е.Н. Трубецкой (1863-1920) вносили в это понятие уже совершенно иное содержание.

Данный текст не претендует на детальное рассмотрение исторических событий, которые решающим образом повлияли на формирование концепта русской идеи. Обратимся, пусть и коротко, к ключевым философским, политическим и культурным концептам русской теории культурной идентичности, к ее геополитической роли в идеях славянофилов и западников. Подчеркнем, что текст имеет не только объективно-теоретический характер, но представляет и субъективное восприятие России, русского менталитета, культуры и идентичности иностранцем. В течение относительно краткого пребывания (три месяца) в Москве автор оказался свидетелем двух научных дискуссий о «русской идее», а также участвовал по меньшему мере в десятке ежедневных разговоров с новообращенными русскими (и по сей день дорогими) друзьями во время весенних прогулок по Москве. Автор был несколько удивлен не тем, что вокруг русской идеи и русской идентичности еще ведутся дискуссии, а тем, что эти споры все еще несут в себе дух XIX в. или в лучшем случае начала XX в. Прежде чем обосновать нашу позицию,

обратимся к тому, что в сущности происходило в историческом прошлом, что определило понимание русскими самих себя, где берет начало «русская идея».

В российской истории есть несколько моментов, которые, по мнению многих исследователей, определили ее судьбу, а вместе с тем и идентичность русского человека. Первым таким моментом явилось принятие христианства в X в. во времена правления князя Владимира I (980-1015). Прямым следствием этого исторического шага стало следующее: «Принятие христианства укрепило государственную власть и территориальное единство Киевской Руси. Но это имело и большое международное значение, поскольку русские, отбросив «примитивное» язычество, становятся равноправными среди других христианских земель, связи с которыми значительно углубляются. Принятие христианства сыграло особенно большую роль в развитии русской культуры, воспринявшей влияние византийской, а через нее и античной культур»¹. Христианизация Руси в первую очередь означала ее вхождение в семью европейских народов на основе полного культурного равноправия. Прежде всего, это привело к отдалению России от мусульманской Азии и идентификации себя с христианской Европой.

Однако если взглянуть глубже, то можно увидеть, что христианизация Руси была процессом, обладающим двумя имманентно противоречивыми характеристиками. На первый взгляд, это означало начало «европеизации» страны. Впрочем, Русь приняла христианство до схизмы и с этим легитимно ощутила себя частью общей, единой европейской христианской цивилизации. Но, с другой стороны, огромное значение имел тот факт, что Россия восприняла христианство от Византии, а не от Рима. Позже это будет означать и начало разделения русской культуры, русской исторической судьбы, русской души вообще между Востоком и Западом. Принятие христианства от Востока привело и к постепенному дистанцированию от Запада; искусство, архитектура, культура будут проникнуты византийским духом. Россия вступила так сказать, в «кровную связь» с Византией; а после Церковного раскола в XI в. она оказалась в определенной изоляции от западных христианских земель и не попала под культурное влияние католицизма.

Следующий значимый момент, повлиявший на увеличение дистанции между Россией и Западом, связан с татаро-монгольским игом. В обстоятельствах феодальной раздробленности страны Золотая Орда оказалась непреодолимым препятствием, русские княжества падали одно за другим, а в 1240 г. Орда взяла Киев и владела русскими землями два века вплоть до 1480 г. Так Русь оказалась еще сильнее отделена от европейской исторической сцены.

Третий значимый исторический поворот – освобождение от татаро-монгольского ига и объединение русских княжеств. В XVI в. Россия – большая страна, начинающая понимать свою силу. А в такой стране неизбежно развиваются новые представления о специфике народа и нации. Тогда, когда начинается рост страны, к началу царствования Ивана IV Грозного (1533-1584), проявляется потребность и в **идеологии**. Она обнаруживается в религии, которая в России в силу ее изоляции как от католического Запада, так и от греческого Востока, обладает **аутентичными, уникальными** свойствами. Русское православие противопоставлялось не только «атеистическому» Западу, но и «греческой вере» (Сам царь велел – «наша вера не греческая, а русская, христианская»). Эта потребность в идеологии достигает кульминации в восприятии **Москвы как третьего Рима**, провозглашенного старцем Филофеем, иноком Псковского Спасо-Елиزارовского монастыря: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать!» Это был «лозунг дня», из которого черпались силы государства. И цари, и народы объединились в мессианской идее: слава России приведет ее к тому, что она станет третьим Римом. Так православие, одна из самых сокровенных частей русского бытия, стало объединяющим фактором. Русские люди начали осознавать, что православие – особая часть их духовных традиций. Первые размышления о мире, о среде, об обществе, о себе самих, русские сформулировали в рамках православия. Оно играло в некотором смысле «мифотворческую» роль: все представления о добре и зле, мире, человеке, жизни сформировались в его контексте. Все это воспринималось людьми, вероятно, интуитивно и, так сказать, интимно, без теологизирования. Рефлексия по этому поводу к русскому человеку придет несколько позже, ведь русские сначала «проживают», делают, а потом размышляют.

Четвертый значимый момент в русской истории – реформы Петра I (1689-1725), который попытался преодолеть изолированность России от европейской цивилизации. А.И. Герцен сравнил инициированное Петром I вхождение России в цивилизационные западные течения с мощным клином, вбитым в нее и разделившим ее на две части. Но это раздвоение в то же время означало и начало поиска аутентичной русской идеи. По сути, именно со времен Петра и начались поиски Россией самой себя.

Не только современные историки по-разному оценивают петровские реформы, но и в тех исторических условиях они вызывали противоречивые реакции. Появившийся позже раскол между интеллигенцией и народом во многом стал результатом этих реформ. При этом речь идет не просто о разделении образованной части населения и простого народа: сама ткань народной жизни начала «распускаться». Многолетние строгие религиозные

традиции, уверенность в истинности православного пути и глубокая вера в обычный народ оказались нарушены. До этого закрытый и изолированный от всего православного и вообще христианского пути, русский народ едва ли имел возможность и даже необходимость переосмыслить собственные традиции и представления. Теперь же пришлось пересматривать убеждение, что «русское православие» - это единственно верный путь. Во время царствования императора Петра православные традиции, вера и позиции церкви были поставлены под сомнение. Религиозная основа национального единства понемногу сдавала позиции, начинался процесс секуляризации. «Русская империя во время правления Петра Великого отступила от народного идеала христианской державы, к которому стремилась допетровская Русь, желавшей быть не богатой, не сильной, а Святой Русью»². После петровских реформ основа национального единства – православие, а с ним и вера в Москву как третий Рим – были подорваны. Возникла потребность в новой идеологии.

Во всяком случае после Петра I Россия стала уже другой, что прекрасно ощущается в начале XIX в., когда дилемма времен Петра вновь проявляется как острый **философский спор**. Это пятый ключевой исторический этап в процессе формирования русской идеи. Процессы самоопределения активизируются в XIX в., когда появляются первые теоретические предпосылки к разрешению проблемы идентичности. Сделанное Петром Открытие Запада, выглядит огромной бездной в начале XIX в., которую необходимо было либо закрыть, либо оставить зиять. Поэтому проблема отношений России и Запада и, как следствие, проблема русской идентичности и самобытности вновь открываются в начале XIX в. «..Но это уже путь не во имя возвращения к старым способам жизни, как это часто случалось в XVIII в., а во имя открытия «русской идеи», русских начал», которые до того времени лежали сокрытыми «в глубинах народного духа»³. В XIX в. русские уже «заговорили». Если раньше, в эпоху Петра, русские почти «говорили», а во времена татаро-монгольского ига вообще «молчали», самовыражаясь, например, через иконопись (вспомним Андрея Рублева), то вот теперь они «заговорили». Начинаются первые поиски русской идентичности в литературе и философии. Россия мыслит прежде всего через **литературу**, ведь первые политические, философские, метафизические рефлексии – все они проявляются в литературе. В русской литературе XIX в. начинается поистине золотой век. В тот период Россия словно бы стремилась прожить все то, что Европа пережила за два века до этого. Так что за чуть более чем пятьдесят лет в русской духовной жизни сменилось несколько художественных, стилевых, философских парадигм, через которые Европа проходила в течение гораздо большего времени (сентиментализм, романтизм, реализм...).

Возвращение к вопросу идентичности, философское пробуждение России происходит не без влияния Запада. Как во времена Петра Запад был стимулом к развитию для русской культуры, так и в XIX в. западные философы по меньшей мере вдохновляют русскую философию. Русская мысль пробуждается в начале века, а импульсом служит немецкий идеализм⁴. Шеллинг, Фихте, Гегель – вот те западные философы, кто возбудил умы русской интеллигенции.

С начала XIX в. философы размышляют о проблеме «Россия», которая детерминирует всю русскую мысль в будущем, и все философы так или иначе, сознательно или бессознательно, будут обращаться к этой проблеме. Прямым толчком к дебатам на эту тему стали «Философические письма» П.Я. Чаадаева (1794–1856), опубликованные в журнале «Телескоп» в 1836 г. В этих посланиях к соотечественникам Чаадаев изливает такой гнев и ненависть по отношению к состоянию, в котором находится его страна, что по сей день, если бы мы судили о нем только по этому произведению, он бы остался в нашем сознании русофобом. Россия для него – это чистый лист бумаги, на котором лишь Запад смог начертать что-то ценное, а все развитие страны явилось только результатом западного влияния. Сама же по себе Россия, кажется, лишена какой бы то ни было ценности: «Одиноким в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»⁵.

«Философические письма» Чаадаева и подобные его размышления привели к дискуссии двух противопоставленных друг другу групп – славянофилов и западников, каждая из которых по-своему смотрела на будущее России. После первого восхищения романтизмом, Шеллингом и немецкой классической философией в середине XIX в. в России идет поиск собственных способов философского выражения. Разделение на западников и славянофилов в 40–50-е гг. XIX в. означало не просто политическое размежевание, но и своеобразное отрезвление от влияния немецкой философии и попытку через противопоставление ей сформировать аутентичную философию. Славянофилы разработали русскую философию (разумеется, не без западного влияния), западники заимствовали идеи (естественно, не без того, чтобы адаптировать их к русским особенностям). Первая группа, можно сказать, выросла из ментальных особенностей романтизма, свойственного еще «любоумрам», членам литературно-философского кружка «Любителей мудрости» (1823–1825). Еще тут произошло рождение русской аутентичной религиозно-философской мысли.

Именно славянофилы оказались тем проявлением философской мысли, которая стала основой особой русской религиозной философии. Были подняты вопросы целостности познания, всеединства, соборности, личности – вопросы, которые останутся уникальным наследством русской религиозной философии, потому что были поставлены и решались в исключительно русской философской манере. Так славянофилы участвовали в «возведении специфической русской философской традиции, органичной духу православия»⁶. Их философия была «воцерковленной», а поиски православной культуры были противопоставлены западным ценностям.

Западники были более известны и влиятельны, более представительны и актуальны, поскольку несли России нечто новое, свежее, считающееся прогрессивным. Ища идеологические точки опоры, славянофилы обращались к православной культуре, тогда как их противники, воодушевленные западным духом, отвергали религиозные идеи как основу для создания развитой культуры. С их точки зрения, история представляла собой единый процесс, в котором Россия до сих пор не принимала участия, поэтому было бы нужно воспринять западные идеи, если страна хотела выйти на общую западноевропейскую историческую сцену. Только западный путь развития, западные социалистические и либеральные идеи могли, по мысли западников, вытянуть Россию из отсталости. В этом они видели и следование заветам Петра Великого, идеи которого западники стремились обновить. Россия, считали они, – это западноевропейская страна, которая не должна в связи с этим двигаться по какому-то собственному пути.

Конец XIX – начало XX вв. – очередной исторический этап, важный для развития русской идеи, и кажется, она окончательно сформулирована. Проблема «Россия» разрешена с помощью марксистской философии, а революция 1917 г. открывает новый виток реализации русской идеи. К какому результату все привело, стало очевидно к началу 1990-х гг. Государство, построенное на чистой идее, сформулированной философом (мечта всех философов, начиная с Платона), оказалось обречено.

Конец XX и начало XXI вв. – это новый этап в поиске и определении русской идеи. О ней опять заговорили, вновь зазвучал вопрос: что такое русская идея, в чем состоит специфичность России, как должна развиваться русская культура... И это совершенно естественно, ведь каждый народ вправе искать свою идентичность.

Все упомянутые выше исторические обстоятельства сформировали специфику русского мира, однако не только история, но и география сыграли тут свою роль. Еще в начале процесса самоопределения Россия задавалась вопросом о том, является ли она европейской страной. Простершаяся на два континента, географически Россия ближе к Азии, нежели к Европе, в чем усматривают основу для совершенно нового культурного и

геополитического концепта – евроазиатского. Но с точки зрения характеристики культуры, Россия связана с Европой по двум основаниям – как христианская страна и как страна по преимуществу славянская. Однако абсурд состоит в том, что по тем же детерминантам Россия и отделена от Европы, большей частью являющейся католической и протестантской, в результате чего все культурные европейские «продукты», разумеется, не связаны с православной культурой. То же и со славянством. Россия не является европейской страной, потому что европейский концепт, выстроенный на основе Западной Европы, - это конгломерат немецкой, французской и англосаксонской культур. Европа намеренно дистанцировалась от Византийского и славянского наследия, к которому так склонна Россия. Вот в чем трагедия России на путях определения ее места по отношению к Европе.

Процессы самоопределения похожи у русских на удивительную страсть, происходящую, вероятно, из желания «встроиться» в западную цивилизацию. Эти поиски русской идеи весьма специфичны, а сам русский дух носит даже отголоски мистического начала. Если хорошо знать русскую философскую мысль, то можно утверждать, что русские философы никогда не отделяли мысль от действия, а метафизика для них была социальна. Даже великие религиозные мыслители считали, что их религиозное видение аппликативно, осуществимо на практике, единственно возможно, если мы хотим построить праведное и моральное общество. Впрочем, Н. Бердяев, С. Булгаков отошли от марксизма к идеализму, считая, что марксизм не обеспечивает гуманные человеческие отношения и уважение к человеку. Для них социальная философия была неотделима от православной доктрины⁷.

Может быть, подобная специфическая «конституция» русского духа требовала поиска русской идеи, которая виделась **великой картиной**. Впрочем, сам термин «идея» имплицитно предполагает это. Все в России находится в поиске идеи, чего-то всеобъемлющего, объединяющего разрозненные картины и оправдывающего всю эмпирическую действительность. Эта страсть к **целостности**, возможно, является наследием отца русской философии В.С. Соловьева и его концепта **всеединства**, который глубоко укоренился не только в русской философии, но и в русской душе. Стремление к всеединству, вероятно, универсальная и ключевая характеристика русской философии. Ориентируясь на это стремление русского мышления к целостности, можно понять и некогда слепое, мессианское поклонение марксизму как философии, которая окончательно объясняла и охватывала все и делала понятным все жизненные перспективы. Поэтому, возможно, коммунизм сначала столь триумфально пришел в Россию, а не туда, где уже созрели условия для революций. Идеология коммунизма была

воспринята в России как исполнение надежд, как нечто религиозно-всеохватное, магическое, пророческое. Русские люди принимали и социализм с почти религиозное чувством.

То, что соединяет русский теизм и русский атеизм, русскую религиозную философию и русский материализм, дьявола и Бога, - это, по сути, тот самый общий корень всеединства. Кажется, в России все может оказаться рядом, например, материализм и идеализм, выросшие из одного корня – этой русской ментальной склонности к целостности, почти магического стремления к всеохватности.

Русская философия познания тоже отчасти мистична и основана на почти любовном отношении к познаваемой действительности. Наивная вера в то, что реальность может быть объяснена некими универсальными принципами, ведет русскую мысль в сферу иррационального, странную для западного менталитета. Поэтому и Ф.М. Достоевский (1821–1881), декларирующий устами своего героя из повести «Записки из подполья» (1864), что единственный способ доказать свою свободу состоит в том, чтобы работать против собственных интересов, не мог быть понят Западом, для которого такое человеческое поведение не является разумным и логичным. Между тем и на Запад русские смотрят как на целостность, веря, что западный мир един. Такой взгляд, как нам кажется, все еще патриархален и проникнут коллективистский духом. Однако Запад – это тысячи «западов», тысячи малых историй, «параллельные европы», конгломерат индивидуумов и противоположных интересов.

Быть может, чтобы измениться, России нужен **постмодернизм**, но не как теория, а как способ бытия, поскольку идея уже не нужна – требуется «сказка», сюжет, история. Да, потребность в определении и дефинировании себя – это неоспоримое желание каждого человека и всякого народа. Но идентичность – это прежде всего «история» **«сказка»** о том, кто мы, какие мы, чего мы хотим. Ни одна культура не может существовать без этого, в сущности, культура и есть **«сказка»** «история». Но **«сказка»** «история» - это не идея, поэтому, вероятно, Россия может дефинировать себя не с помощью идеи, а благодаря «истории», «сказке». Идея - это модерн, даже «предмодерн», а «история» - постмодерный концепт. Идея находится в поиске «большой картины», а «история» - открытый, децентрализованный, фрагментарный концепт. Идея вертикальна, «история» горизонтальна. «История» открывается разными ключами, идея – лишь одним. Идея дедуктивна, «история» индуктивна. Идея – это только точный диагноз, а «история», «сказка» - терапия...

В заключение приведу слова известного македонского драматурга Горана Стефановского (р. 1952), которые дают возможность и русским, и македонцам осмыслить,

какое же положение по отношению к Западу и Европе они занимают: «Одни говорят, что в нашем незавидном положении виновата исключительно Европа, что надо повернуться спиной к этой блуднице, что мы можем обойтись и без ее отчужденности и пустоты, по сравнению с которой мы – сама органичность, потенция и спонтанность. Другие говорят, что только мы виноваты во всем и должны отвернуться от самих себя, поцеловать ручку Европе и с первым же самолетом отправиться в ее объятия, причем с билетом в один конец, только бы подальше от этого хаоса, анархии и насилия и поближе к порядку, богатству и чистоте. Обе позиции малоценны и только подкрепляют европейское экзотическое клишированное представление о нас: в первом случае мы оголтелые и самовлюбленные бандиты, а во втором – слюнявые и некритичные эпигоны. Обе позиции взаимоисключающие – предлагают все или ничего, ад или рай, но ничего среднего, никакой земной жизни»⁸.

Вероятно, Г. Стефановскому неизвестно, но автору текста после пребывания в Москве стало ясно: русские до сих пор ищут все или ничего! Они все еще ищут великую идею, тайно веря, что она есть и что россияне являются ее хранителями, что эта идея спасет мир. Быть может, Н. Бердяев был прав, когда утверждал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. **Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в русских: оставьте идею, возьмитесь за «сказку», «историю», за малые, ежедневные, бытовые, скучные «истории». Вся трагическая судьба русского народа, может быть, есть результат высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть»**»⁹. Цитатот на Берцаев ти е измешан со мојата оригинална идеја!!

Полюбив русский народ, не желая ни ему, ни нам новых разочарований, автор хочет попросить русских: оставьте идею, возьмитесь за «сказку», историю, за малые, ежедневные, бытовые, скучные «истории». Вся трагическая судьба русского народа, может быть, есть результат поиска великой русской идеи. Безусловно, эта идея породила и великих русских людей, и великие свершения, но она же принесла России большие и страшные страдания. Достаточно уже и великих дел, и страданий; пусть сегодня русские люди просто **рассказывают** о себе!

Перевод М.Б. Проскурниной

Примечания:

¹ А. С. Орлов, А. Ю. Полунов, Ю. Я. Терещенко. Основы курса истории России. Москва: Простор, 2008. С. 41.

² История культур славянских народов в трех томах. Под ред. Г.П. Мельникова. Т. II: От барокко к Модерну. Москва: ГАСК, 2005. С. 282.

-
- ³ V.V. Zenjkovski. Istorija ruske filozofije. Podgorica: CID // JP Službeni list, Beograd, 2002. С. 112.
- ⁴ Г.О.Флоровски. Путь руского богословья. Подгорица: Цид, 1997. С. 259.
- ⁵ П.Я.Чаадаев. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. Москва: Наука, 1991. <<http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>>
- ⁶ F. Koplston. Filozofija u Rusiji. Beograd: Bigz, 1992. С. 37.
- ⁷ В связи с неразделением идеи и акции, истины и социальной правды подчеркнем, что в русском языке слово «правда» связано одновременно со словами «истина» и «праведность», олицетворяя переход теоретического концепта в практический аспект.
- ⁸ Горан Стефановски. Приказни од дивниот Исток. Скопје: Табернакул, 2005. С. 33.
- ⁹ N. Berdaev. Ruska ideja. Beograd: Prosveta, 1987. S. 10.